
ТЕМАТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

SPECIAL TOPIC SECTION

К 20-летию принятия Уголовного кодекса Республики Беларусь

To the 20th anniversary of the adoption of the Criminal Code of the Republic of Belarus

УДК 343.231

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 1999 г. В СВЕТЕ ПРИНЦИПА ВИНОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

И. О. ГРУНТОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Уголовный кодекс представляет собой своеобразный исторический документ, посредством которого, как в зеркале, видна система социальных ценностей в данный период существования общества и государства, а также эффективность и адекватность правовых мер, применяемых для регулирования и охраны важнейших общественных отношений. Действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. пришел на смену Уголовному кодексу БССР 1960 г. и стал регулировать и охранять социально-экономические отношения нового независимого государства. Но миновало почти 20 лет с тех пор, как был принят и стал действовать Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. За это время в нашем государстве произошли масштабные исторические изменения экономического, социального и политического характера. Страна и общество стараются своевременно и адекватно реагировать на общественно опасные вызовы и изменения действительности, применяя меры экономического, социального, в том числе и уголовно-правового характера. В настоящее время более полутора тысяч норм и правовых институтов Уголовного кодекса Республики Беларусь подверглись изменениям и дополнениям. В определенной мере эти явления можно объяснить объективными процессами, происходящими в окружающем мире. Вместе с тем не все изменения правовых норм можно объяснить только желанием законодателя реагировать на неожиданные общественно опасные внешние вызовы. Двадцатилетнее применение уголовного закона свидетельствует о том, что отдельные ошибки при конструировании правовых норм имели место и в момент принятия Уголовного кодекса

Образец цитирования:

Грунтов И.О. Некоторые вопросы Общей части Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. в свете принципа виновной ответственности. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2019;2:3–11.

For citation:

Gruntov IO. Some issues of the General Part of the Criminal Code of the Republic of Belarus of 1999 in the view of the principle of guilty responsibility. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2019;2:3–11. Russian.

Автор:

Игорь Олегович Грунтов – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета.

Author:

Igor O. Gruntov, doctor of science (law), full professor; head of the department of criminal law, faculty of law. crimlaw.bsu@tut.by

Республики Беларусь 1999 г., однако ни в начальный период времени, ни в последующие годы действия закона они не были замечены и устранены. Такое явление наиболее характерно для некоторых норм Общей части. И особенно это заметно, если проанализировать конструкции таких норм в свете требований принципа виновной ответственности.

Ключевые слова: вина; принцип виновной ответственности; формы и виды вины; умысел и неосторожность; невиновное причинение вреда – случай; неоконченное преступление; добровольный отказ от преступления; соучастие в преступлении; обстоятельства, исключающие ответственность преступления; степень вины и индивидуализация наказания.

SOME ISSUES OF THE GENERAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS OF 1999 IN THE VIEW OF THE PRINCIPLE OF GUILTY RESPONSIBILITY

I. O. GRUNTOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Criminal Code is a kind of historical document, through which, as in the mirror, one can see the system of social values in the given period of the society and the state; the effectiveness and equivalence of legal measures used to regulate and protect the most important social relations. The current Criminal Code of the Republic of Belarus of 1999 replaced the Criminal Code of BSSR of 1960 to regulate and protect the socio-economic relations of the new independent state. But time moves on. It has been almost twenty years since the Criminal Code of the Republic of Belarus of 1999 was adopted and came into effect. Massive historical changes of an economic, social and political nature have taken place in our fatherland in this period. The world has changed and we have changed over these decades. The state and society try to respond in a timely and equivalent manner to socially dangerous challenges and changes in reality, applying measures of an economic, social, and including criminal law nature. More than one and five hundred thousand norms and legal institutions of the Criminal Code of the Republic of Belarus have been amended and supplemented. These phenomena can be explained by objective processes occurring in the surrounding world. At the same time, it should be noted that not all changes can be explained only by the desire of the legislator to respond to unexpected socially dangerous external challenges. The twenty-year application of the Criminal Code of the Republic of Belarus indicates that certain errors in the design of legal norms were made at the time of the adoption of the Criminal Code of the Republic of Belarus of 1999, but they were not noticed and eliminated in the initial period of time, or in subsequent years. This is most typical for some norms of the General Part of the Criminal Code. It is especially noticeable if we analyze the constructions of such norms in the light of the principle of guilty responsibility standards.

Keywords: guilt; principle of guilty responsibility; forms and types of guilt; intent and negligence; innocent injury – act of providence; unfinished crime; voluntary renunciation of criminal purpose; criminal complicity; circumstances excluding liability of the crime; extent of guilt and individualization of punishment.

Введение

Уголовный кодекс (далее – УК) наряду с другими кодексами создает правовую основу деятельности всех государственных органов в сфере борьбы с преступностью. От того, какие нормы принимаются и вносятся в УК, как они сконструированы, зависит эффективность деятельности всех правоприменительных органов. Многие обстоятельства определяют, каким по своей сути станет уголовный закон. Немаловажное значение при этом имеет то, как сконструированы уголовно-правовые нормы. При описании конкретных составов преступлений и правовых норм Общей части УК, как правило, применяются довольно известные методы конструирования: логический, системный, грамматический и др. Вместе с тем важнейшее значение в этом процессе имеет то, насколько полно в конструкциях и правовых нормах отражено содер-

жание и признаки вины. Психический и социально-психический аспекты вины составляют основу содержания принципа виновной ответственности. В связи с этим формирование признаков состава преступления и уголовно-правовых норм Общей части должно быть таким, чтобы в созданной конструкции абстрактного поведения (в информационной модели наиболее обобщенных типичных признаков посягательства) отношение субъекта к фактическим обстоятельствам, закрепленным в этой модели общественно опасного деяния, отражало психический и социально-психический аспекты вины [1, с. 6].

Многие вопросы конструирования норм Общей части УК с позиции требований принципа виновной ответственности были решены в момент создания и обсуждения УК Республики Беларусь

1999 г. (далее – УК РБ). Так, например, было раскрыто содержание вины с позиций психологической концепции этого явления (ст. 21), дано самостоятельное определение видов умысла и неосторожности при материальной и формальной модели объективной стороны посягательства (ст. 22–24), раскрыто содержание сложной вины (ст. 25), дано определение субъективных признаков соучастия

и неоконченного преступления (ст. 13, 14, 16) и др. Вместе с тем конструкции ряда правовых норм Общей части УК РБ до сих пор имеют определенные недостатки, если их оценивать с позиции содержания важнейшего постулата уголовного закона – принципа виновной ответственности. Рассмотрим некоторые конструкции из названной группы правовых норм.

Основная часть

Невиновное причинение вреда. Действующий УК РБ впервые включил норму о невиновном причинении вреда. Согласно ст. 26, «деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не сознавало и по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать общественную опасность своего действия или бездействия либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть». В научной литературе такие разновидности невиновного совершения общественно опасного деяния и невиновного причинения вреда именуют субъективным случаем, или казусом. До принятия УК РБ невиновное причинение вреда обычно связывали с отсутствием хотя бы одного из критериев преступной небрежности (объективного или субъективного) или их обоих. В ст. 26 УК РБ закрепили эти два вида казуса. Вместе с тем в судебной практике и научной литературе выделяют ситуации невиновного причинения вреда, которые не отражены в УК. Законодательная формула психического отношения к фактическим обстоятельствам, закрепленная в ст. 26 УК, не позволяет рассматривать содеянное гражданином как невиновное причинение вреда в следующих ситуациях: а) когда человек предвидел возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не мог предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизических качеств требованиям экстремальных условий; б) когда лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу своих нервно-психических перегрузок; в) когда человек предвидел возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но обоснованно при наличии достаточных оснований рассчитывал его предотвратить, если этот расчет не оправдался, и общественно опасное последствие наступило.

Перечисленные варианты поведения лица в соответствии со ст. 26 УК не могут признаваться совершенными невиновно. В этой ситуации деяния лиц, допустивших при подобных обстоятельствах причинение вреда, должны будут оцениваться в соответствии с законом как виновно совершенное

посягательство. Подобная вынужденная квалификация не соответствует принципу виновной ответственности. Для устранения этой парадоксальной ситуации необходимо внести соответствующие изменения в ст. 26 УК РБ. Вариант законодательного решения этого вопроса предложен в научной литературе [2, с. 60].

В пользу такого предложения может свидетельствовать также и законодательный опыт Российской Федерации. Так, например, в ч. 2 ст. 28 УК РФ («Невиновное причинение вреда») закреплены две ситуации невиновного причинения вреда, отсутствующие ныне в УК РБ: «2. Деяние признается также совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам». Вместе с тем и конструкцию ст. 28 УК РФ также нельзя признать достаточно полно учитывающей варианты невиновного причинения вреда. Поскольку этой нормой не учитывается вышеотмеченная ситуация, «когда человек предвидел возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но обоснованно при наличии достаточных оснований рассчитывало его предотвратить, если этот расчет не оправдался, и общественно опасное последствие наступило».

Добровольный отказ соучастников от доведения преступления до конца. В УК РБ добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовительных действий либо прекращение действия или бездействия, непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо сознавало возможность доведения преступления до конца (ч. 1 ст. 15). Добровольный отказ от преступления исключает уголовную ответственность за неоконченное преступление (ч. 2 ст. 15). Объективная сторона добровольного отказа от преступления состоит в добровольном и окончательном прекращении преступных действий, а субъективная характеризуется тем, что лицо, добровольно и окончательно отказавшееся от преступления (волевой признак), осознает воз-

возможность доведения до конца (интеллектуальный признак) [3, с. 113].

В УК РБ определены особенности добровольного отказа соучастников (ч. 3, 4 ст. 15). Добровольный отказ организатора и подстрекателя отличается от отказа от пособника посягательства. Организатор или подстрекатель преступления не подлежат уголовной ответственности, если они сами прекратили свои действия и предприняли все возможные меры, которые предотвратили совершение исполнителем преступления. Действия пособника не влекут уголовной ответственности, если лицо до окончания исполнителем преступления откажет ему в заранее обещанном содействии или устранил результаты уже оказанной помощи. Оценивая данную конструкцию добровольного отказа соучастников, необходимо отметить, что решение законодателя, основанное на дифференцированном подходе с учетом роли лица в посягательстве, не совсем удачно. Объясним этот вывод, обращая внимание на два обстоятельства. Во-первых, в сложном соучастии с разделением ролей цепочка «исполнитель – другие соучастники» может носить усложненный характер. Например, исполнителю оказывает помощь пособник; его, в свою очередь, склонил к этой пособнической деятельности подстрекатель. Применительно к этой ситуации в соответствии с ч. 3, 4 ст. 15 УК РБ будет наблюдаться следующая парадоксальная картина: добровольный отказ исполнителя от начатой преступной деятельности будет иметь место, если он прекратит свои действия по любым мотивам, осознавая возможность доведения их до конца; добровольный отказ пособника имеется, если он до окончания исполнителем преступления откажет ему в заранее обещанном содействии или устранил результаты уже оказанной помощи; добровольный отказ подстрекателя пособника будет, если он не только сам откажется от преступления, но и предотвратит совершение преступления исполнителем. В данном случае возникает вопрос о логичности рассматриваемых ситуаций.

Во-вторых, как уже отмечалось ранее, добровольный отказ организатора или подстрекателя исключает уголовную ответственность только тогда, когда эти лица предотвратили совершение преступления исполнителем. Такое решение вполне объяснимо, поскольку организатор или подстрекатель, выполнив свои действия, «запускают» механизм преступного поведения исполнителя. Вместе с тем следует отметить, что закрепленная в законе абсолютная обязанность этих лиц предотвратить посягательство без каких-либо ограничений дает основание для привлечения их к ответственности независимо от сложившихся объективных обстоятельств. В действительности могут встречаться случаи, когда организатор или подстрекатель, на-

чав выполнять часть своих действий, затем отказываются от их дальнейшего совершения. При этом они предпринимают все меры для дальнейшего предотвращения посягательства, но не достигают этого.

Соучастие с субъективной стороны характеризуется умыслом. Умышленно совместно участвовать в совершении преступления – это сознавать общественно опасный характер своего деяния, другого соучастника; предвидеть, что, совершая это деяние, он присоединяется к определенной общественно опасной деятельности другого лица; желать, или сознательно допускать, или безразлично относиться к общественно опасным последствиям. В ситуации, когда эти лица, выполнив незначительную часть своих действий, добровольно и окончательно прекращают их, осознавая, что могут продолжить, невозможно вести речь о наличии у них интеллектуальных и волевых признаков умысла в совместном преступлении.

Если, помимо этого, такие лица предпринимают все возможные меры для предотвращения совершения преступления исполнителем (уговаривают его, беседуют с его близкими, создают какие-либо препятствия, сообщают правоприменительным органам и т. п.), то в причиненных исполнителем общественно опасных последствиях у них может отсутствовать вина вовсе. В связи с этим ныне существующая редакция ч. 3, 4 ст. 15 УК РБ в данной части поведения соучастников закрепляет объективное вменение. Для устранения этой ситуации необходимо внести изменения в выше названную статью. Вариант законодательного решения этого вопроса предложен в научной литературе [4, с. 41–45; 5, с. 258].

Понятие превышения пределов необходимой обороны. Необходимой обороной является правомерная защита от общественно опасного посягательства путем причинения нападавшему вреда при условии, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. В ч. 3 ст. 34 УК РБ превышением пределов необходимой обороны признается явное для обороняющегося лица несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, когда нападавшему без необходимости умышленно причиняется вред в виде смерти или тяжкого телесного повреждения. При превышении пределов необходимой обороны содеянное в случае наступления смерти квалифицируется по ст. 143 УК РБ («Убийство при превышении пределов необходимой обороны»), а в ситуации причинения тяжкого телесного повреждения – по ст. 152 УК РБ («Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения при превышении пределов необходимой обороны»). С социально-психической стороны содержание интеллектуального признака умысла при совершении таких посягательств состоит

в том, что обороняющееся лицо сознает, что оно нарушает право неприкосновенности жизни или здоровья нападающего, поскольку без необходимости причиняет ему смерть или тяжкое телесное повреждение. С субъективной стороны преступление, предусмотренное ст. 143 УК РБ («Убийство при превышении пределов необходимой обороны») характеризуется умыслом. При превышении пределов необходимой обороны лицо должно сознавать все фактические обстоятельства, характеризующие общественно опасное посягательство и относящиеся к защите, и что оно, обороняясь, существенно нарушает в этой ситуации охраняемое уголовным законом право на неприкосновенность жизни нападающего на него преступника.

Подобное не может иметь место в некоторых ситуациях. Например, при защите собственной жизни или при отражении нападения вооруженной группы лиц и др. Социологический опрос граждан подтверждает такое суждение. Так, в процессе анкетирования 316 (51 %) из 619 лиц подтвердили, что при защите своей жизни или при обороне от нескольких вооруженных лиц, которые угрожают жизни, обороняющийся человек не может сознавать, применяя любые средства защиты и причиняя нападавшему (или нападавшим) смерть, что он в этой ситуации нарушает охраняемое уголовным законом право на неприкосновенность жизни нападающего преступника. Социологический опрос проводился в 2014 г. в Республике Беларусь среди работников районных и областных судов, следователей Следственного комитета, адвокатов, стажеров органов прокуратуры и студентов старших курсов юридического факультета БГУ. Полученные данные – это серьезный повод для постановки вопроса о корректировке ст. 34 УК РБ («Необходимая оборона») с целью определить в законе ситуации, когда невозможна постановка вопроса о превышении пределов необходимой обороны. Вариант законодательного решения этого вопроса предложен в научной литературе [6, с. 34–46; 7, с. 53–61].

В пользу такого предложения может свидетельствовать также и опыт некоторых зарубежных стран. Так, например, в ч. 5 ст. 36 УК Украины сказано, что «не является превышением пределов необходимой обороны и не имеет следствием уголовную ответственность применение оружия или любых других средств либо предметов для защиты от нападения вооруженного лица или нападения группы лиц, а также для предотвращения противоправного насильственного проникновения в жилище либо другое помещение, независимо от тяжести вреда, причиненного посягающему». Сходное положение закреплено также в ч. 3 ст. 36 УК Республики Молдова и др.

Субъективные признаки превышения пределов крайней необходимости. В соответствии с ч. 1

ст. 36 УК РБ не является преступлением действие, совершенное в состоянии крайней необходимости, т. е. для предотвращения или устранения опасности, непосредственно угрожающей личности, правам или законным интересам данного лица или других лиц, интересам общества или государства, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный.

В ст. 36 УК РБ прямо не говорится о субъективном отношении лица к факту превышения им пределов крайней необходимости. Вместе с тем в ч. 2 этой статьи закреплено положение, в соответствии с которым состояние крайней необходимости признается также в случае, если действия, совершенные для предотвращения опасности, не достигли своей цели и вред был причинен, несмотря на усилия лица, добросовестно рассчитывавшего его предотвратить.

Указание в законе на добросовестность расчета в безуспешной попытке предотвратить вред приводит к выводу о неправомерности и, следовательно, наказуемости неосторожной вины как следствия недобросовестного расчета. В УК РБ нет самостоятельных статей, предусматривающих ответственность за причинение вреда по неосторожности в результате нарушения пределов крайней необходимости. Ответственность в подобных ситуациях наступает по соответствующим общим статьям уголовного закона. Например, по ст. 219 УК РБ квалифицируется уничтожение либо повреждение имущества по неосторожности, повлекшее причинение ущерба в особо крупном размере. С психической стороны при совершении такого посягательства интеллектуальное и волевое отношение лица характеризуется так: человек, нарушая правила предосторожности, предвидит наступление последствий, но без достаточных оснований рассчитывает их предотвратить либо не предвидит их, хотя по обстоятельствам дела должен был и мог это предвидеть. С социально-психической стороны человек в таком поведении относится к собственности другого лица недостаточно бережно и внимательно.

Превышая пределы крайней необходимости, с психической стороны человек предвидит, что может причинить равный либо больший, чем предотвращаемый в особо крупном размере ущерб, но без достаточных оснований рассчитывает не допустить этого либо не предвидит это, хотя по обстоятельствам дела должен был и мог это сделать. Социально-психическая составляющая при таком поведении совершенно иная. Человек, действующий в состоянии крайней необходимости, совершает общепользующее дело. Он спасает более весомое благо. Все его действия направлены только на

это. Невозможно сказать, что в подобной ситуации человек относится к собственности недостаточно бережно и внимательно. В его поведении отсутствует социально-психическая составляющая, характерная для неосторожной вины в составе преступления, предусмотренного ст. 219 УК РБ. Такое суждение подтверждается результатами социологического опроса, проведенного в 2014 г. автором этой статьи. Так, 414 (66,8 %) из 619 анкетированных лиц подтвердили, что, защищая чужую собственность в состоянии крайней необходимости и причиняя в этой ситуации кому-либо «побочный» вред, нельзя считать, что человек относится недостаточно бережно или внимательно к чужой собственности (в отличие от социально-психической сущности неосторожной вины) [8, с. 147].

Аналогичная картина будет иметь место и при превышении пределов крайней необходимости в других ситуациях и квалификации деяний по статьям УК, предусматривающим ответственность за неосторожное причинение иных последствий. Поэтому логичнее устанавливать уголовную ответственность за превышение пределов крайней необходимости в случаях только умышленного причинения вреда. Вариант законодательного решения этого вопроса предложен в научной литературе [9, с. 52–58].

Объективные и субъективные признаки деяния, связанного с риском (ст. 39 УК РБ). В ч. 1 ст. 39 УК РБ определяется общее положение, согласно которому не является преступлением деяние (действие или бездействие), причинившее вред правоохраняемым интересам, если это деяние было совершено в условиях обоснованного риска для достижения общественно полезной цели. В соответствии с ч. 2 ст. 39 УК РБ риск признается обоснованным, если «совершенное деяние соответствует современным научно-техническим знаниям и опыту, а поставленная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями и лицом, допустившее риск, обоснованно рассчитывало, что предприняло все возможные меры для предотвращения вреда правоохраняемым интересам».

Выводы об условиях правомерности обоснованного риска следуют из содержания ч. 2 ст. 39 УК РБ. Основными признаками правомерного риска являются следующие: а) направленность действия (бездействия) на достижение общественно полезной цели; б) общественно полезная цель не может быть достигнута действиями, не связанными с риском; в) лицо, допустившее риск, обоснованно рассчитывало, что предприняло все возможные меры для предотвращения вреда правоохраняемым интересам; г) риск не должен быть заведомо сопряжен с угрозой экологической катастрофы, общественного бедствия, наступления смерти или причинения тяжкого телесного повреждения лицу, не выразившему согласие на то, чтобы его жизнь или здоровье были поставлены в опасность.

Многие исследователи отмечают, что «недостатком статьи об обоснованном риске является отсутствие в ней четкой регламентации пределов уголовной ответственности за причинение вреда при необоснованном риске» [10, с. 488–489]. Такое замечание вполне справедливо. В литературе в числе спорных и не совсем ясных вопросов, относящихся к этому институту, называют и другие. Например, вопрос о том, кто может быть субъектом такой деятельности: любой человек или лицо, обладающее определенной профессиональной грамотностью, какова сфера деяний, связанных с риском, и др. [11, с. 488–489; 12, с. 17–24].

Деяние, связанное с риском, является одним из обстоятельств, исключающих преступность деяния в гл. 6 УК РБ. В законе дается определение превышения пределов необходимой обороны, превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, превышения пределов крайней необходимости и др. Под превышением необходимой обороны, как уже отмечалось ранее, понимается явное для оборонявшегося лица несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется смерть или тяжкое телесное повреждение (ч. 3 ст. 34 УК РБ). Превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, признается их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда этому лицу умышленно без необходимости причиняется явно чрезмерный вред в виде его смерти либо тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения (ч. 2 ст. 35 УК). Под превышением мер крайней необходимости понимается ситуация, когда деянием, совершенным в подобной ситуации, умышленно или по неосторожности причиняется равный или больший вред, чем предотвращенный (ч. 1, 2 ст. 36 УК РБ). Нетрудно заметить, что при характеристике превышения пределов правомерности этих видов обстоятельств, исключающих преступность, в законе используются две группы; объективные и субъективные. В противоположность этому в ст. 39 УК для определения границ правомерности не используются понятные и четкие границы поведения лица. В связи с этим зачастую невозможно утверждать, что при выходе действий лица за объективные границы риска имеет место превышение пределов правомерного поведения. Спорят в литературе также и о форме вины при причинении вреда в результате нарушения условий обоснованного риска. Одни исследователи считают, что в такой ситуации вина лица может быть в форме умысла (прямого или косвенного) или неосторожности [13, с. 191]. По мнению других – лишь в форме неосторожности [8, с. 194].

Не внесло ясность и дополнение ст. 39 УК РБ новой ч. 2-1 следующего содержания: «Экономи-

ческий (деловой) риск может признаваться обоснованным, если поставленная цель могла быть достигнута и не рискованными деяниями (решениями), но с меньшим экономическим результатом». По справедливому утверждению Д. В. Шаблинской и Э. Ф. Мичулиса, «в ч. 2-1 ст. 39 УК прямо указано, что рискованные действия могут признаваться обоснованными даже в том случае, когда поставленная цель могла быть достигнута и не рискованным деянием (решением), но с меньшим экономическим результатом... Значит, рискованные действия не являются единственно возможными... Если исходить из буквального толкования, то получается, что однопорядковые рискованные деяния могут быть признаны обоснованными, а могут и не признаваться таковыми... Кто будет осуществлять такое признание? <...> Напрашивается вывод о необходимости внесения ясности в уголовный закон» [14, с. 36].

Степень вины и общие начала назначения наказания. В ст. 62 УК РБ закреплены правила назначения наказания. Однако в основных началах назначения наказания нет упоминания о том, что суд обязан при индивидуализации ответственности учитывать степень вины лица в совершенном посягательстве. В ст. 36 УК БССР 1960 г. понятие степени вины отсутствовало вовсе. Вместе с тем Верховный Суд СССР при назначении наказания по отдельным уголовным делам довольно часто обращал внимание на то, чтобы суды учитывали степень вины лица, совершившего посягательство. Так, например, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 13 марта 1975 г. по делу Г. Ш. Геворкяна отмечается, что «назначение наказания без должного учета степени вины и смягчающих обстоятельств повлекло изменение приговора» [15, с. 36]. Этот положительный опыт Верховного Суда СССР не был учтен при разработке проекта УК РБ.

В противоположность такому подходу в уголовном законодательстве ряда стран предусмотрено положение о том, что суд при назначении наказания учитывает вину лица в содеянном преступлении. Так, например, в ч. 1 параграфа 32 («Общие начала») УК Австрии написано: «Основанием для назначения наказания является вина лица, совершившего деяние» [16]. В ч. 1 параграфа 46 («Основные принципы определения размера наказания») УК Германии сказано: «Вина исполнителя является основанием для определения размера наказания...» [17]. В ст. 63 УК Швейцарии указано, что

«судья определяет размер наказания соразмерно вине лица; он учитывает побудительные мотивы, предыдущую жизнь и личные отношения обвиняемого» [18]. В параграфе 1 ст. 53 УК Польши отмечено, что «суд назначает наказание по своему усмотрению в пределах, предусмотренных Законом, обращая внимание на то, чтобы его строгость не превышала степени вины, учитывая степень общественной вредности деяния, а также принимая во внимание предупредительные и воспитательные цели, которые могут быть достигнуты в отношении осужденного, и потребности в сфере формирования правового сознания общества» [19] и др.

Данный подход в законодательстве упомянутых стран при конструировании общих начал назначения наказания закрепляет положение, при котором вина лица является основанием для назначения наказания. Это справедливо, поскольку любое деяние, в отношении которого не установлена вина лица, не является преступлением. Именно это и должно в первую очередь выясняться судом при индивидуализации наказания.

В научной литературе уже были высказаны предложения о включении в УК понятия степени вины. Так, например, А. И. Рарог писал, что «указание на форму и степень вины следует обязательно включить в законодательный перечень обстоятельств, учитываемых судом при назначении наказания. Законодательное закрепление понятия степени вины и ее роли в определении тяжести преступления и избрании наказания сделали бы излишними всякие попытки дать более тонкие градации психического отношения лица к совершаемому им деянию и наступившим вредным последствиям» [20, с. 69]. В Модельном Уголовном кодексе для государств – участников СНГ давалось определение степени вины как обязательного элемента индивидуализации наказания [21].

С учетом сказанного для более полной реализации принципа виновной ответственности необходимо внести в ст. 62 УК РБ дополнения, предусмотрев, что основанием для назначения наказания является вина лица, совершившего преступление и что при назначении наказания суд должен исходить из принципа индивидуализации наказания, т. е. учитывать степень вины и другие обстоятельства, ныне указанные в ст. 62 УК РБ. В законе следует также определить, что следует понимать под степенью вины. Вариант законодательного определения данного понятия предложен в научной литературе [22, с. 776–780; 23, с. 71–74].

Заключение

В дни торжеств не принято много говорить о недостатках юбилея. В связи с этим отметим, что двадцатилетие действия первого УК независимой Республики Беларусь подтверждает и свидетель-

ствует, что уголовный закон с момента вступления его в силу по настоящее время успешно решает поставленные перед ним задачи: охрану мира и безопасности человечества, человека, его прав и свобод,

собственности, прав юридических лиц, природной среды, общественных и государственных интересов, конституционного строя Республики Беларусь, а также установленного правопорядка от преступных посягательств; способствует предупреждению преступных посягательств, воспитанию граждан в духе соблюдения законодательства нашего государства (ст. 2).

Государство и общество в дальнейшем по-прежнему будут стараться своевременно и адекватно реагировать на общественно опасные вызо-

вы и изменения действительности, применяя меры экономического, социального, в том числе и уголовно-правового характера. В связи с этим следует ожидать в дальнейшем изменений и дополнений в действующий УК РБ. Исходя из такого понимания действительности, автор статьи выражает надежду, что при создании новых правовых норм и составов преступлений будут учитываться требования принципов уголовного закона и уголовной ответственности, в том числе и постулата о личной виновной ответственности.

Библиографические ссылки

1. Грунтов ИО. *Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве* [автореферат диссертации]. Минск: БГУ; 2014. 49 с.
2. Грунтов ИО. К вопросу о понимании содержания неосторожной вины и отграничения ее от казуса в соответствии с законодательством Республики Беларусь. *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства*. 2017;7(5):52–62.
3. Назаренко ГВ. *Неоконченное преступление и его виды*. Москва: Ось-89; 2003. 113 с.
4. Грунтов ИО. Объективные и субъективные признаки неоконченного преступления. *Судовы веснік*. 2006;3:41–45.
5. Грунтов ИО. *Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве*. Минск: Тесей; 2012. 366 с.
6. Грунтов ИО. Может ли иметь место правильная уголовно-правовая оценка убийства при превышении пределов необходимой обороны при отсутствии четких правил необходимой обороны? *Информационный бюллетень Следственного комитета Республики Беларусь*. 2014;1:34–46.
7. Грунтов ИО. Состав правомерности необходимой обороны по Уголовному кодексу Республики Беларусь в свете принципа субъективного вменения. *Право.бу*. 2011;3(13):53–61.
8. Грунтов ИО. *Объект уголовно-правовой охраны и конструирование составов преступлений и правовых норм Общей части уголовного законодательства*. Минск: БГУ; 2017. 199 с.
9. Грунтов ИО. Психический и социально-психический аспекты вины – основа содержания принципа личной виновной ответственности в уголовном праве. *Право.бу*. 2014;5:52–58.
10. Кузнецова НФ, Тяжкова ИМ, редакторы. *Курс уголовного права. Общая часть. Том 1. Учение о преступлении*. Москва: Зерцало; 1999. 624 с.
11. Мазин П, Битеев В, Пономорев Г. Обоснованный риск: проблемы толкования и практического применения. *Уголовное право*. 2002;1:26–29.
12. Орешкина Т. Обоснованный риск в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния. *Уголовное право*. 1999;1:17–24.
13. Максимов СВ. Обоснованный риск. В: Глухман ЛД, Колодкин ЛМ, Максимов СВ, редакторы. *Уголовное право. Часть Особенная*. Москва: Юриспруденция; 1999. 191 с.
14. Мичулис ЭФ, Шаблинская ДВ. Институт обоснованного риска и его отражения в законодательстве Беларуси. *Право.бу*. 2015;5:2–38.
15. Смоленцев ЕА, редактор. *Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам, 1971–1979*. Москва: Известия; 1981. 992 с.
16. Серебренникова АВ, переводчик. *Уголовный кодекс Австрии*. Москва: Зерцало; 2001. 133 с.
17. Серебренникова АВ, переводчик. *Уголовный кодекс ФРГ*. Москва: Зерцало; 2001. 208 с.
18. Серебренникова АВ, переводчик. *Уголовный кодекс Швейцарии*. Москва: Зерцало; 2001. 135 с.
19. Кузнецова НФ, редактор. *Уголовный кодекс Республики Польша*. Барилевич ДА, переводчик. Минск: Тесей; 1998. 127 с.
20. Рарог АИ. Вина и реформа уголовного законодательства. *Советское государство и право*. 1988;10:69.
21. Кудрявцев ВН, Келина СГ, редакторы. *Уголовный закон: опыт теоретического моделирования*. Москва: Наука; 1987. 278 с.
22. Грунтов ИО. Общие начала назначения наказания по Уголовному кодексу Республики Беларусь в свете принципа субъективного вменения. В: Комиссаров ВС, редактор. *Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права; 26–27 мая 2011 г.; Москва, Россия*. Москва: Проспект; 2011. с. 776–780.
23. Грунтов ИО. Общие начала назначения наказания в свете принципа личной виновной ответственности. *Вестник БДУ. Серия 3. Гісторыя. Эканоміка. Права*. 2012;2:71–74.

References

1. Gruntov IO. *Printsip lichnoi vinovnoi otvetstvennosti v ugovnom zakonodatel'stve* [The principle of personal guilty responsibility in criminal law] [dissertation abstract]. Minsk: Belarusian State University; 2014. 49 p. Russian.
2. Gruntov IO. [On the issue of understanding the content of negligence and its delimiting from an incident in accordance with the legislation of the Republic of Belarus]. *Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence*. 2017;7(5):52–62. Russian.

3. Nazarenko GV. *Neokonchennoe prestuplenie i ego vidy* [Unfinished crime and its types]. Moscow: Os'-89; 2003. 113 p. Russian.
4. Gruntov IO. [Objective and subjective signs of an unfinished crime]. *Sudovy vesnik*. 2006;3:41–45. Russian.
5. Gruntov IO. *Printsip lichnoi vinovnoi otvetstvennosti v ugovnom zakonodatel'stve* [The principle of personal guilty responsibility in criminal law]. Minsk: Theseus; 2012. 366 p. Russian.
6. Gruntov IO. [Can there be a correct criminal-legal assessment of an exceeding limits of necessary defense murder when clear rules of necessary defense does not exist?]. *Informatsionnyi byulleten' Sledstvennogo komiteta Respubliki Belarus'*. 2014;1:34–46. Russian.
7. Gruntov IO. [The necessary defense under the Criminal Code of the Republic of Belarus: formal elements of a definition]. *Pravo.by*. 2011;3(13):53–61. Russian.
8. Gruntov IO. *Ob'ekt ugovno-pravovoi okhrany i konstruirovaniye sostavov prestuplenii i pravovykh norm Obshchei chasti ugovnogo zakonodatel'stva* [Protected by criminal law object and design of the elements of crimes and legal norms of the General part in the Criminal law]. Minsk: Belarusian State University; 2017. 199 p. Russian.
9. Gruntov IO. [Mental and socio-psychological aspects of guilt is the basis of the content of the principle of personal guilty responsibility in Criminal law]. *Pravo.by*. 2014;5:52–58. Russian.
10. Kuznetsova NF, Tyazhkova IM, editors. *Kurs ugovnogo prava. Obshchaya chast'. Tom 1. Uchenie o prestuplenii* [Criminal law. The Course. General part. Volume 1. The doctrine of crime]. Moscow: Zertsalo; 1999. 624 p. Russian.
11. Mazin P, Biteev V, Ponomarev G. [Reasonable risk: problems of interpretation and practical application]. *Ugovnoe pravo*. 2002;1:26–29. Russian.
12. Oreshkina T. [Reasonable risk in the system of circumstances precluding the criminality of an act]. *Ugovnoe pravo*. 1999;1:17–24. Russian.
13. Maksimov SV. [Reasonable risk]. In: Glukhman LD, Kolodkin LM, Maximov SV, editors. *Ugovnoe pravo. Chast' Osobennaya* [Criminal Law. Special Part]. Moscow: Yurisprudentsiya; 1999. 191 p. Russian.
14. Michulis EF, Shablinskaya DV. [The institute of reasonable risk and its reflection in the legislation of Belarus]. *Pravo.by*. 2015;5:32–38. Russian.
15. Smolentsev EA, editor. *Sbornik postanovlenii Plenuma i opredelenii kollegii Verkhovnogo Suda SSSR po ugovnym delam, 1971–1979* [The collection of resolutions of the Plenum and the definitions of the collegiums of the Supreme Court of the USSR (in criminal matters), 1971–1979]. Moscow: Izvestiya; 1981. 992 p. Russian.
16. Serebrennikova AV, translator. *Ugovnyi kodeks Avstrii* [The Criminal Code of Austria]. Moscow: Zertsalo; 2001. 133 p. Russian.
17. Serebrennikova AV, translator. *Ugovnyi kodeks FRG* [The Criminal Code of Germany]. Moscow: Zertsalo; 2001. 208 p. Russian.
18. Serebrennikova AV, translator. *Ugovnyi kodeks Shveitsarii* [The Criminal Code of Switzerland]. Moscow: Zertsalo; 2001. 135 p. Russian.
19. Kuznetsova NF, editor. *Ugovnyi kodeks Respubliki Pol'sha* [The Criminal Code of the Republic of Poland]. Barilovich DA, translator. Minsk: Theseus; 1998. 127 p. Russian.
20. Rarog AI. [Guilt and criminal law reform]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1988;10:69. Russian.
21. Kudryavtsev VN, Kelina SG, editors. *Ugovnyi zakon: opyt teoreticheskogo modelirovaniya* [Criminal law: the experience of theoretical modeling]. Moscow: Nauka; 1987. 278 p. Russian.
22. Gruntov IO. [General beginnings of sentencing under the Criminal Code of the Republic of Belarus in the light of the principle of subjective imputation]. In: Komissarov VS, editor. *Ugovnoe pravo: istoki, realii, perekhod k ustoichivomu razvitiyu: materialy VI Rossiiskogo kongressa ugovnogo prava, 26–27 maya 2011 g., Moskva, Rossiya* [Criminal law: origins, realities, transition to sustainable development: materials of the VI Russian congress of the Criminal law; 26–27 May 2011; Moscow, Russia]. Moscow: Prospect; 2011. p. 776–780. Russian.
23. Gruntov IO. Common beginnings of punishment imposing in the area of the principle of personal liability. *Vesnik BDU. Seryia 3. Gistoriya. Jekonomika. Prava*. 2012;2:71–74.

Статья поступила в редколлегию 21.03.2019.
Received by editorial board 21.03.2019.